УДК: 1 (091) (47) “18”

Лебедева Галина Николаевна,
к.филос.н., доц. кафедры философии,
ГАОУ ВО Ленинградской области
«Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»
Тел.: +7 921 8827155
E-mail: gal_le@list.ru

М.Н. КАТКОВ О ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ

Аннотация: В статье показано, что цивилизационный подход в философии сформировался в России. Рассматривается участие М.Н. Каткова в формировании имперской идеологии России XIX века и принципов классического русского консерватизма.

Ключевые слова: цивилизация, самобытность, М.Н. Катков, консерватизм, государство, народ, свобода.

Galina Nikolajevna Lebedeva,
Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy
Leningrad State University named after A.S. Pushkin
Phone: +7 921 8827155
E-mail: gal_le@list.ru

MICHAEL N. KATKOV ABOUT THE CIVILIZATIONAL INDEPENDENCE OF RUSSIA

Abstract: In article, the author shows that civilization approach in philosophy was created in Russia. Michael N. Katkov's participation in formation of imperial ideology of Russia of the 19th century and the principles of classical Russian conservatism is considered.

Keywords: civilization, Michael N. Katkov, conservatism, state, people, freedom.

Среди множества мифов, сопровождающих историю общества России второй половины XIX в. выделяется пренебрежительное отношение к русской философии. Отношение к прошлому и его использование создает коллективную память, которую можно транслировать так, чтобы у общества был понятный ответ на вопрос: кто мы? Откуда пришли? Это определяет самобытность каждой нации и цивилизации. Не каждый народ, конечно, создает свою философию, но всякая философия всегда национальна. И к русской философии это относится полностью. «Национальный облик философии всегда ярко выражен, но всё-таки не случайно утвердились словосочетания – греческая философия, французский экзистенциализм, американский прагматизм. Философия персонифицировано выговаривает, прежде всего, национальные проблемы, через них устремляясь к Абсолюту, через них становясь интересной и востребованной для других национальных культур. Эта идея осознана русскими философами и писателями – от Ф.М. Достоевского до И.А. Ильина и даже А.В. Гулыги» [10, с. 116].

Из мировых приоритетов русской философии на первое место можно выдвинуть идеи множественности мировых цивилизаций, или, как писали в XIX в., культурно-исторических типов. В XX в. эту идею излагали О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон. Цивилизационный подход в философии, рассматривающий все мировые цивилизации как равные друг другу, развивающиеся на основании своих историко-культурных традициях был заложен именно в России в середине XIX в. Первыми вопрос о цивилизационной идентичности и самобытности сформировали славянофилы, говоря о праве

России на самобытный путь развития, собственное призвание, судьбу и традицию. «Именно славянофилы и именно в середине века «выговорили» слово, являющееся мерилom, показателем развития национального самосознания. Этим словом была «национальность», в чем состояла их немалая заслуга перед отечественной общественной мыслью» [18, с. 80].

Позже Н.Я. Данилевский говорил о том, что единой человеческой цивилизации вообще не существует, что в зависимости от условий развития на различных территориях складываются обособленные культурно-исторические типы (впоследствии ученые называли их «цивилизациями», например, наряду с западной, можно говорить о мусульманской, индо-буддийской, конфуцианско-буддийской (китайской, и т.п.). Данилевский убедительно показал, что культурно-исторические типы принципиально не смешиваются и изменяются только в исторических масштабах, основываясь на этнических качествах, выработанных ландшафтом и историческим развитием. Таким образом, вопрос о цивилизационной идентичности России превращается в вопрос о праве на бытие и самобытное существование вообще [19, с. 42].

Историю русской мысли XIX в. часто рассматривают лишь как борьбу между западниками и славянофилами. В принципе, такое деление действительно исторично. Но в реальной жизни провести жесткую границу между западниками и славянофилами достаточно затруднительно. Если же использовать ситуационный подход, то славянофилы, доказывая самобытность России, отталкивались именно от категорий западной философии. В свою очередь, те, кого считали западниками, относились к Западу как извечному врагу России, и все их западничество порой сводилось к усвоению европейской технологии. Именно к таким «как бы западникам» относился видный мыслитель пореформенной России Михаил Никифорович Катков.

Жизнь и посмертная судьба М.Н. Каткова (1818-1887 гг.) были поистине уникальны. При жизни многочисленные поклонники Каткова называли его «Львояростным кормчим государственного корабля», «вождем охранительной России», «борцом за русскую правду», «государственным деятелем без

государственной должности», «Столпом русского самосознания», «Громовержцем Страстного бульвара». Выдающийся философ Константин Леонтьев предлагал поставить на Страстном бульваре, где располагалась редакция катковских изданий, памятник Каткову при жизни. «Мы не можем с чистым сердцем ставить памятники Гоголю, Островскому и другим литературным или политическим деятелям нашим, пока не будет поставлен памятник М.Н. Каткову» [2, с. 5], отмечал философ. При этом К.Н. Леонтьев хотел, чтобы памятник журналисту стоял рядом с памятником Пушкину.

Не менее многочисленные противники великого журналиста именовали его «будочником русской прессы», «реакционер», «жрецом мракобесия», подобными бранными кличками. Да, надо быть очень незаурядным человеком, чтобы заслужить такой букет комплиментов со всех противоборствующих лагерей»!

Причина как восторгов одних, так и ненависти других, была проста. По словам его многолетнего сподвижника Н.А. Любимова, Катков, «бывший профессор философии, филолог, поэт, литературный критик, способный к метафизическим построениям отвлеченной мысли и художественного творчества, он все свои разнообразные проявления умственной деятельности направил на укрепление государства и мощи самодержавия» [2, с. 6-7]. Если при жизни имя Каткова гремело по всей России, и по всей Европе, то после смерти наступили десятилетия забвения. После 1905 г. не переиздавались статьи Каткова, а 1907 г. вышла последняя монография, посвященная Каткову [25]. Следующее научное исследование идеологии и деятельности Каткова вышло только в 1978 г. [26]. Правда, в советское время Катков упоминался в общей истории русской критики и эстетики [4, с. 5].

«Возвращение» Каткова в историю русской социально-философской мысли состоялось только в 1990-х гг. В печати появились статьи, стали выходить книги, посвященные великому публицисту [1; 3; 21; 27; 28]. В 2007 г. вышла книга С. М. Саньковой, посвященная Каткову, в которой также дан историографический анализ трудов, посвященных Михаилу Никифоровичу [23].

Имя Каткова стало возвращаться в русскую науку. В 2002 г. вышел сборник избранных статей М.Н. Каткова «Имперское слово» [6] объёмом в 500 страниц. Теперь стали известны и оригинальные труды Михаила Никифоровича. В 2009 г. Институтом русской цивилизации был издан ещё один, несравненно более объёмный том (800 страниц!) статей М.Н. Каткова под редакцией Ю.В. Климакова [7]. Наконец, с 2010 г. издаётся собрание сочинений М.Н. Каткова в 6 томах [9]. Конечно, и это издание не может быть полным, ведь только собрание передовиц «Московских Ведомостей» составили за 1863-87 гг. составили 25 томов по тысяче страниц каждый!

Конечно, учитывая небольшие тиражи выпущенных изданий, приходится констатировать, что М.Н. Катков пока ещё остаётся малоизвестным широкому читателю. Другое дело, что интересующиеся историей отечественной мысли теперь могут ознакомиться с трудами Михаила Никифоровича, знают подробности его биографии.

Но вот Катков как философ остаётся практически неизвестным. Создатель русской политической публицистики, государственный деятель без государственной должности, как называли Каткова современники, во всех своих делах руководствовался определенными мировоззренческими принципами. Он бескомпромиссно отстаивал свои взгляды, вступая конфликт с Великими Князьями, министрами, губернаторами и попечителями учебных округов. В чем невозможно было обвинить Каткова, так это в беспринципности и оппортунизме.

Катков был человеком, пожалуй, самым философски образованным человеком в тогдашней России. Философский склад ума, владение европейскими языками, наконец, личное знакомство со многими европейскими философами (например, с Шеллингом) и всеми теми русскими людьми, которых впоследствии потомки сочли создателями русской философии (Станкевичем, Белинским, Герценом, Бакуниным, братьями Аксаковыми), способствовали этому.

М.Н. Катков ещё в 1838 г., 20 лет от роду, в редактируемом В.Г. Белинским «Московском Обозревателе» поместил перевод статьи Г. Рётшера об эстетике

Гегеля, что было первым знакомством русской публики с творчеством великого философа. Именно Катков познакомил членов кружка В. Станкевича с немецкой классической философией. В 1840-42 гг. Катков учился в Германии у Шеллинга, навсегда став поклонником его системы. По возвращении в Россию Катков преподавал философию в Московском университете вплоть до запрещения философии в учебных заведениях министром Ширинским-Шихматовым в 1850 г.

Катков по происхождению не принадлежал к элите. Он родился в Москве в семье бедного чиновника, выслужившего дворянство. Отец вскоре умер, и семья Катковых впала в бедность. Первые годы своей сознательной жизни Михаил провел в Преображенском сиротском училище. В юности Катков вел жизнь типичного пролетария умственного труда, живя за счет репетиторства, перебиваясь с хлеба на квас, упорно работая по ночам над книгами, почти все заработанное отдавая семье. В 1834-38 гг. Михаил Катков учился в Московском университете, где проявил успехи в учебе и открыл в себе талант литератора. 18-летним студентом Катков перевел солидную «Историю Средних веков» О. Демишеля. В 1838 г. в «Сыне Отечества» был помещен переведённый Катковым первый акт «Ромео и Юлии» (так Катков русифицировал имя Джульетты). Одновременно в «Московском Наблюдателе» он поместил стихотворные переводы Гейне. В переводе Каткова в 1840 г. вышел роман Ф. Купера «Следопыт». Пробовал Катков свои силы и как литературный критик, поместив в «Отечественных Записках» ряд статей.

Как видим, Катков дебютировал переводами исторических и философских произведений. Интерес к философии, филологии, истории, он сохранил на всю жизнь. Юношеские литературные опыты способствовали выработке у Каткова прекрасного литературного стиля, ставшего визитной карточкой Каткова — журналиста.

Таким образом, приблизившись к сорока годам, Катков был обычным интеллигентом — разночинцем. По логике вещей, Катков должен был стать

либералом или даже революционером. Однако Катков стал, по выражению Константина Леонтьева, «вождём охранительной России».

Михаил Никифорович издавал с 1856 г. журнал «Русский Вестник» и (с 1863 г.) газету «Московские Ведомости». Под его руководством эти издания превратились не просто в органы печати, формирующие институты гражданского общества [12, с. 241-244], а в самостоятельный департамент российского правительства. Подобный феномен был единственным в своем роде в России, и, вероятно, в мире.

Катков был журналистом во всех смыслах этого слова и не писал философских трактатов на отвлечённые темы, но уловил, что публицистика в определенные моменты в жизни страны временно исполняет обязанности философии. Сама «русская литература, с тех пор, как она оформилась в особую духовную систему, уполномачивает русского человека постоянно обсуждать, активно вмешиваться во все мировые вопросы... создала особое глобальное пространство, где на примере русских вопросов обсуждаются вопросы вселенские. Причем обсуждаются с нигде не виданной степенью свободы» [19, с. 805].

Фундаментальные положения, которые Катков отстаивал всю жизнь – это: российское государство, русский народ и гражданская свобода. Именно они и определяют своеобразие русской цивилизации. В этом состояло его умение оценивать факты в долгосрочной перспективе, как бы вступать в своеобразный диалог с будущим.

Государство всегда было для Каткова на первом месте. Но государство понималось не как территория на карте, а как страна русского народа под духовной властью православной церкви и под политической властью самодержавного царя.

Катков в защите государственного самодержавного устройства занимал совершенно самостоятельную позицию, выступая как против нигилистов и либеральных оппозиционеров, так и критикуя правительство через свою печать за бездеятельность, став как бы духовным лидером национально-

государственной партии, обычно называемую консервативной или охранительной. С этого времени стал возможен феномен Каткова, одного из ведущих политиков страны вне правительства, публициста, критикующего недостатки деятельности правительства и указывающего властям на то, что надлежит делать и кто способен это сделать лучше. Заметим, что Катков никогда не был официальным правительственным журналистом. Вот что заметил один из его современников: «Катков ... в сущности был самым ярким представителем оппозиции и не было почти случая, когда он был вполне доволен Петербургом, как ещё реже, мы думаем, были случаи, когда Катковым были довольны в Петербурге» [24, с. 145]. Положение Каткова как деятеля оппозиции (пусть даже и оппозиции его величества) приводило к тому, что ни один редактор тогдашней российской прессы не имел столько столкновений с цензурой, как Катков.

Стоя на страже интересов Верховной власти, М.Н. Катков постоянно вступал в конфликт с теми влиятельными министрами и сановниками, которые, по его мнению, действовали в ущерб интересам России и её политического строя. Борьба «Московских Ведомостей» с либеральствующими сановниками носила характер борьбы на принципиальной идеологической основе, т.к. уход противоборствующих Каткову лиц означал и полную смену правительственного курса в определенных сферах. В этой борьбе с впадавшими в либерализм министрами Катков видел свой долг верноподданного: «При всем уважении, которое подобает правительственным лицам, мы не можем считать себя их верноподданными и не обязаны сообразовываться с личными взглядами и интересами того или другого из них. Над правительственными и неправительственными деятелями, равно для всех обязательное, возвышается Верховная власть: в ней состоит сущность правительства, с нею связывает нас присяга; ее интересы суть интересы всего народа» [8, с. 3-4].

Но государство по Каткову вовсе не тоталитарный монстр, подчиняющий себе всё и вся. Напротив, Катков считал, что свобода индивида вообще возможна только под оградой государства и его законов: «Государство не находится в антагонизме со свободой, напротив, свобода возможна только в его ограде, но

при условии сильной власти, способной защитить личную свободу людей от всякого насилия и вынуждения. Единая, безусловно свободная и бесспорная верховная власть есть великое благо русского народа, завещанное ему предками и добытое их трудом и кровью» [17, 1881 г., № 126, 7 мая]. Именно во имя укрепления государства Катков боролся за проведение реформ в 1860-70-е гг. Но когда выявились некоторые неожиданные последствия реформ (в частности, гримасы суда присяжных, отпускающего на свободу Веру Засулич, превращение земских органов в своего рода оппозиционные минипарламенты, целые поколения нигилистов, воспитанные безнациональной школой, и т.п.), то Катков со всей решимостью выступил за корректировку курса Великих Реформ.

Защита государства означала для Каткова защиту незыблемости самодержавия. Сама политическая доктрина православия единственно возможной формой правления считала самодержавную монархию. Ещё в 1393 г константинопольский патриарх в письме к Московскому князю Василию I писал: «Царство и церковь имеют между собой тесное единение, и невозможно одно без другого» [16, с. 481]. Одновременно монарх, согласно доктрине, также должен был быть православным по вероисповеданию. В консервативной публицистике постоянно подчеркивалось, что русский царь, будучи самодержцем, тем не менее, не может сменить вероисповедание и, тем более, навязывать его своим подданным. В этом заключается принципиальное отличие русского самодержавия от западного абсолютизма. Действовавший в Германии XVI-XVIII вв. принцип “*cujus regio, ejus religio*” (рус. «чья страна, того и вера») в России был невозможен.

М.Н. Катков писал об особенностях русской монархии: «...русскому царю дано особое значение, отличающее его от других властителей мира. Он не только государь своей страны и вождь своего народа – он Богом поставленный блюститель и хранитель Православной Церкви, которая не знает над собой земного наместника Христа, и отреклась от всякого действия, кроме духовного, предоставляя все заботы о своем земном благосостоянии и порядке освященному ею вождю великого православного народа. Русский царь есть более чем

наследник своих предков: он наследник кесарей восточного Рима, строителей церкви и её соборов, установивших самый символ веры христианской. С падением Византии поднялась Москва и началось величие России. Вот где тайна той глубокой особенности, которою Россия отличается среди других народов мира» [17, 1882 г., № 249].

Помимо религиозных положений, среди консервативных доводов в пользу самодержавия преобладающей была идея надклассовой народной сущности самодержавия. Вот как об этом писал М.Н. Катков: «Предлагают много планов... Но есть единственный царский путь.

Это – не путь либерализма или консерватизма, новизны или старины, прогресса или регресса. Это и не путь золотой середины между двумя крайностями. С высоты царского трона открывается стомиллионное царство. Благо этих ста миллионов и есть тот идеал и вместе с тем тот компас, которым определяется и управляется истинный царский путь. В прежние века имели в виду интересы отдельных сословий. Но это не царский путь. Трон затем возвышен, что бы пред ним уравнивалось различие сословий, цехов, разрядов и классов. Бароны и простолюдины, богатые и бедные при всём различии перед собой равны перед царём. Единая власть и никакой другой власти в стране, и стомиллионный, только ей покорный народ – вот истинное царство.

В лице Монарха оно владеет самой сильной центральной властью для подавления всякой крамолы и устранения всех препятствий к народному благу. Оно же, упраздняя всякую иную власть, даёт и место и самому широкому самоуправлению, какого может потребовать благо самого народа, – народа, а не партий» [17, 1881 г., № 114].

Разумеется, консерваторы широко применяли при защите самодержавия истинно консервативный довод исконности самодержавия для России. В самом деле, самодержавие было на тот исторический период традиционной формой правления. Этот факт был для консерваторов лучшим доказательством преимуществ самодержавия перед всеми другими властями в мире. Видный публицист изданий М.Н. Каткова, профессор Н.А. Любимов, так излагал

охранительное представление об исторической России и ее незыблемой форме правления: «Россия историческая есть Россия действительная, как завещана она нынешнему поколению многовековою тяжелою историею; Россия русского правительства и русского народа. Признавать историческую Россию – значит признавать, что можно стоять на высотах европейского просвещения и оставаться русским, верным своему государю и своему народу, не отрекающимся от истории своего государства и её нелёгких задач, не отвергающим с ребяческим легкомыслием выработанного страдою поколений государственного строя; Россия историческая, в её идеале, есть Россия сильной правительственной власти, единичной и живой, а не коллективной и условной, и самой широкой свободы во всем, что лежит вне круга исполненных перед государством обязанностей. Россия историческая есть та же правительственная и официозная, но не в смысле России Николая I, когда в основе государственного дела лежала идея о державном помещике среди крепостного населения, трактующем с другими помещиками, с трудом управляющимися со своими вольнонаемными подданными; и не в смысле эпохи Александра I, когда в основе управления была идея европейского просвещенного правительства, преследующего интересы Европы и цивилизации среди своего и с помощью своего варварского народа. Россия историческая есть русское правительство и русский народ, стоящие вместе и дружественно на страже русских интересов» [14, с. 190-191].

Таким образом, надклассовое самодержавное государство – таков политический идеал Каткова. Но, впрочем, этот идеал сохраняет свои черты и в современном русском сознании. Как писал современный философ А.С. Панарин: «Русский народ является одним из самых государственных, или «этатистских», в мире. Причем данная черта является не просто одной из его эмпирических характеристик, отражающих ситуацию де-факто, но принадлежит к его сакральной антропологии как народа-богоносца, затрагивает ядро его ценностной системы» [19, с. 817].

Однако, было бы ошибочно считать это рабской чертой. Подобное отношение к власти – результат горького многовекового опыта, который говорит, что смена власти гораздо чаще приводит к ухудшению, чем к улучшению, а безвластие в России – напасть пострашнее, чем вражеское нашествие. Не случайно народная пословица гласит: лучше грозный царь, чем семибоярщина. Тот факт, что русский человек не является рабом по своей сути, подтверждается его готовностью пойти на смертный бой по приказу той самой власти, которую он считает несправедливой.

Катков и его «партия», при всем своем этатизме, не игнорировали основание государственной пирамиды – русский народ. Причём, если народники и либералы в России XIX в. уделяли самое пристальное внимание социальным проблемам страны, но игнорировали этнический аспект жизни государствообразующей нации, то только консерваторы обращали внимание на русский вопрос как на национальный.

Ещё А.С. Пушкин писал, что «с некоторых пор вошло обыкновение говорить о народности, жаловаться на отсутствие народности, ... но никто не думал определить, что разумеет он под словом «народность» [20, с. 28]. Употребление термина «народность» причиной имело не только внешние обстоятельства (например, антирусские настроения на Западе, вызванные русофобией в виду имевших под собой основания притязаний России на роль лидера в Европе). Другим основанием были культура и наука: потребность создания национальной русской социальной науки, отказ от преклонения перед западной философской и либеральной мыслью и литературой.

Для русской философской мысли XIX в. не существовало различия между понятиями «народность» и национальность. Под «народом» при этом часто понималось всё население страны без этнических различий. Такой имперский подход, намеренно смешивающий народ с общим количеством подданных российского монарха, часто приводил власть к конфликту со сторонниками русского этнического национализма. В основном в консервативной литературе чаще употребляли слово «народ» в значении «нация».

Катков считал, что российское государство должно проводить политику в интересах народа, а не только отдельных сословий и классов. В 1867 г. он писал: «...национальная политика состоит только в том, чтобы правительство было правительством своей страны, чтоб оно было силой только своего народа: иерархия интересов остаётся в своей силе; напротив, только при условии истинно национальной политики возможно соблюдение всех интересов страны в их правильной постепенности. Свойство национальности определяет характер ее политики, и нет страны, интересы которой, правильно понятые, были бы так безопасны для сохранения мира, так мало соединялись бы с ущербом чьих-либо иных уважительных интересов, так мало требовали бы насилия и нарушения справедливости, как Россия» [17, 1867 г., № 105, 14 мая]. Современный исследователь А. Миллер, рассматривая процессы русификации в имперской России, пишет, что «империи ... менее, чем национальные государства озабочены достижением культурно-языковой однородности населения, особенно на окраинах. Часто приоритетным для них является не ассимиляция и утверждение общей для всего населения идентичности, а лояльность». «Катков понимал разницу между аккультурацией, одним из проявлений которой является освоение русского языка как средства коммуникации в общественной сфере, и ассимиляцией, неременной частью которой является превращение русского языка в язык «духовной жизни» [15, с. 67, 70]. Вместе с тем, автор признает неоднозначность этих терминов. В эпоху Каткова эти термины только появлялись.

Славянофилов часто считают сторонниками защиты прав русского народа как этноса. Но Катков в своей защите самодержавия никогда не забывал интересы народа. Как справедливо заметил К.Н. Леонтьев, «Катков на практике ежедневной служил Славянофильскому идеалу гораздо лучше, чем сами славянофилы. Он видел жизнь, он понимал горькую правду нашей действительности, — пожалуй и поэтической, но запутанной быстрыми либерально-европейскими реформами» [29].

Конечно, по многим вопросам Катков расходился со славянофилами. Так, он не разделял увлечения общиной, отмечая, что русский народ создал государство, а не общину. Катков отмечал: «В России государственную партию составляет весь русский народ. Гнилой либерализм и гнилой консерватизм оказываются только в нашем гнилом космополитическом и поверхностном образовании. В годину опасности и великих событий, когда могущественно поднимается в сердцах народное чувство, гниль исчезает, умы оживляются и все противогосударственное, все противонародное, всякая политическая безнравственность и предательство с трепетом прячется в свои норы. Всё поистине великое и плодотворное зачинается в эти минуты пробуждения народного духа» [17, 1881 г., № 72].

Национальность в концепции Каткова, отмечает современный исследователь А.В. Репников, это – государственное понятие, а племенное происхождение, язык, исторически сложившиеся особенности характера, нравов и обычаев, религия не играют в данном случае никакой роли. Одно исторически выдвинувшееся племя закладывает основу государства, объединяет вокруг себя и подчиняет себе другие племена во имя государственного единства. Это племя получает значение государственной (сейчас бы сказали «государствообразующей») нации [30].

Понятие свободы по Каткову, это не либеральное определение свободы от... (от государства, церкви, народа, власти). Катков отстаивал понятие «свобода для... (качественному и эффективному выполнению обязанностей гражданина). Катков множество раз имел конфликт с цензурой, но не боялся вступать в споры с первыми лицами страны и публично выступая против ошибочной политики в польском вопросе Великого Князя Константина Николаевича. Катков отмечал: «Свобода, простая свобода без всякой примеси, никогда не может быть опасна, и вред, который может быть причиняем злоупотреблениями свободы, всегда перевешивается суммою добра, которая из нее проистекает. Свобода ведёт к свету и истине; она служит лучшею пробой всякому делу, и никакое правое и сильное дело не имеет повода бояться свободы.

Законная и бесспорная власть, сильная всею силою своего народа и единая с ним, не имеет повода бояться никакой свободы; напротив, свобода есть верная союзница и надёжная опора такой власти. Что такое свобода? Свобода есть откровенное, прямое и, стало быть, честное действие. Свобода есть личное мнение, которое не имеет надобности скрываться; свобода есть общественный интерес, который заявляет себя с полною откровенностью. Какая была бы, например, для России опасность в том, если бы даже самые неприязненные ей направления высказывались с полною откровенностью?» [17, 1867 г., № 167].

Конечно, консервативное понимание свободы у Каткова соответствовало именно российским реалиям той эпохи. Но, как известно, именно консервативная мысль в XIX в. первая обратила внимание на проблему нации. Это объясняется тем, что консерватизм в каждой стране опирается на исторический опыт своей страны и своего народа. Не случайно К.Н. Леонтьев отметил: «...Охранение всякой нации свое, у турка - турецкое, у англичанина – английское, у русского – русское; а либерализм у всех один» [13, с. 171].

Итак, свобода в рамках ответственности – вот таково консервативное понимание свободы.

Феномен Каткова, конечно, объясняется историческими обстоятельствами его эпохи. Не трактаты, не отвлеченные метафизические построения, а публицистика, выработанные долгосрочные критерии историзма – так выглядела его деятельность. И в этом он достиг немалых результатов. Вот как писал о Каткове В.В. Розанов: «Он был solo-человек, и я не знаю, был ли даже во Франции или Англии, не говоря уже о ... Германии, – такой в них публицист, редактор газеты, как Катков. По-видимому – нет. Катков говорил царям, правительствам, и те его слушали, ненавидимые им (Германия), боялись. Во всяком случае «слово Каткова» всех тревожило, смущало... Ему можно уподобить единственно и только Демосфена в Греции. Других параллелей, по-видимому, нет» [22, с. 293].

Таким образом, для консервативной мысли была свойственна постановка философских вопросов в литературе, критике и публицистике, и этот вклад в

культуру до сих пор не оценен. Консерваторы «фундаментальную философскую проблему соотношения опыта и теории решали в пользу опыта», для ««катковского направления» защита самодержавия была несравненно более важной задачей, чем отстаивание традиционной народной культуры» [11, с. 158-159]. И при этом, считавшийся западником Катков в своей публицистике отстаивал цивилизационную самостоятельность России. Именно это делает его одним из самых важных русских мыслителей (и практических политиков) второй половины XIX в.

Список источников информации

1. Брутян А.Л. М.Н. Катков – социально-политические взгляды. М., 2001.
2. Воспоминания о Михаиле Каткове // Составление, предисловие и комментарии: Г.Н. Лебедева / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации. 2014. С. 5.
3. Измestьева Г.П. Михаил Никифорович Катков // Вопросы истории. 2004. № 4.
4. Кантор В.К. М.Н. Катков и крушение эстетики либерализма // Вопросы литературы. 1973. № 5.
5. Китаев В.А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50-60-х гг. XIX в. М., 1972.
6. Катков М.Н. Имперское слово. М., 2002.
7. Катков М.Н. Идеология охранительства / Составление, предисловие и комментарии: Климаков Ю.В. / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 800с.
8. Катков М.Н. О самодержавии и конституции. М, 1905.
9. Катков М.Н. Собрание сочинений: в 6 т / М.Н. Катков; под общ. ред. А.Н. Николюкина. РАН, ИНИОН – СПб.: Росток, 2010.
10. Корольков А.А. Антипод бессердечной культуры. Духовно-нравственный потенциал русской философии // Родная Ладога. 2009. № 1.

11. Лебедев С.В. Философия русских охранителей второй половины XIX века: исторические судьбы и современность / Исследования по русской философии и культуре: сб. науч. тр. / науч. ред. С.В. Корнилов. – Калининград: РГУ им. И. Канта, 2010.
12. Лебедева Г.Н. Роль печати в гражданском обществе России второй половины XIX века (на примере русской консервативной публицистики) / XIII Царскосельские чтения «Высшая наука - инновационному развитию России» / под общ. ред. В.Н. Скворцова. – Т. 1. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2009. – С. 241-244.
13. Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? // Леонтьев К.Н. Избранное. М.: Рарог: Московский рабочий, 1993.
14. Любимов Н.А. Катков и его историческая заслуга. СПб, 1889, с. 190 - 191
15. Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.: НЛО, 2006.
16. Митрополит Московский Макарий. История Русской Церкви. СПб, 1886 г., Кн. II.
17. Московские ведомости.
18. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории: курс лекций. Изд. 2-е, дополн. – М.: Аспект- Пресс, 1999.
19. Панарин А.С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В.Н. Расторгуев / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014.
20. Пушкин А.С. О народности в литературе // Пушкин А. С. ПСС. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 28.
21. Приленский В.И. Катков Михаил Никифорович // Русская философия: Словарь. М., 1999.
22. Розанов В.В. Мимолетное. – М., 1994.
23. Санькова С.М. Государственный деятель без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. – М.-СПб.: Нестор, 2007.

24. Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб, 1890.
25. Соловьев И. И. Памяти Михаила Никифоровича Каткова. М., 1907.
26. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978.
27. Цирульников А.М. История образования в портретах и документах: Учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений. М., 2000;
28. Ширинянц А.А. Катков М.Н. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005.
29. Культурный идеал К.Н. Леонтьева / Статьи о Леонтьеве : [сайт]. URL: http://knleontiev.narod.ru/aboutl/fudel_ideal.htm (дата обращения: 15.01.2016)
30. Русский консерватизм: Михаил Никифорович Катков / Книжная полка / Перспективы / Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы : [сайт]. URL: http://www.perspektivy.info/book/russkiiy_konservatizm_mihail_nikiforovich_katkov_2008-2-11-16-36.htm (дата обращения: 15.01.2016)